

Джек Лондон

В бухте Йеддо

Джек Лондон

В бухте Йеддо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128357

Аннотация

«Он его потерял где-то на Театральной улице. Помнил он, как довольно грубо пробивался сквозь толпу на мосту, через один из каналов, какие перерезают эту шумную улицу. Возможно, что какой-нибудь ловкий карманный воришка с раскосыми глазами радуется сейчас пятидесяти с лишним иенам, бывшим в его кошельке. А затем он подумал: быть может, он просто его потерял, потерял по небрежности.

С безнадежным видом в двадцатый раз обшаривал все свои карманы в поисках пропавшего кошелька. Его там не было. Рука его осталась в пустом кармане, и он горестно посмотрел на вертлявого горланящего содержателя ресторана, который в бешенстве кричал...»

Джек Лондон

В бухте Йеддо

In Yeddo Bay (1902)

* * *

Он его потерял где-то на Театральной улице. Помнил он, как довольно грубо пробивался сквозь толпу на мосту, через один из каналов, какие перерезают эту шумную улицу. Возможно, что какой-нибудь ловкий карманный воришка с раскосыми глазами радуется сейчас пятидесяти с лишним иенам, бывшим в его кошельке. А затем он подумал: быть может, он просто его потерял, потерял по небрежности.

С безнадежным видом в двадцатый раз обшаривал все свои карманы в поисках пропавшего кошелька. Его там не было. Рука его осталась в пустом кармане, и он горестно посмотрел на вертлявого горланящего содержателя ресторана, который в бешенстве кричал.

– Двадцать пять сен! Твой платит сейчас двадцать пять сен!

– Но... мой кошелек! – сказал мальчик. – Говорю вам, я его где-то потерял.

Тут содержатель ресторана с негодованием всплеснул ру-

ками и завизжал:

– Двадцать пять сен! Двадцать пять сен! Твой платит сейчас!

Собралась толпа, и для Элфа Дэвиса положение становилось затруднительным.

«Какая мелочность, как нелепо, – думал Элф. – Сколько шума из-за пустяков!» И, несомненно, он должен что-то предпринять. У него мелькнула мысль проскользнуть сквозь этот лес ног и ударить всякого, кто вздумает его задержать; но, словно угадав его намерение, один из лакеев, приземистый коренастый парень, неприятно косивший на один глаз, схватил его за руку.

– Твой платит сейчас! Твой платит сейчас! Двадцать пять сен! – ревел охрипший от бешенства содержатель ресторана.

У Элфа лицо тоже пылало от обиды, но он мужественно предпринял новое обследование карманов. Он уже потерял надежду найти кошелек и все упование возложил на случайные монеты. В маленьком карманчике пиджака, где он держал мелочь, ему попалась монета в десять сен и на пять сен медью. Вспомнив, как он недавно не мог доискаться монеты в десять сен, он вспорол шов кармана и извлек монету из глубины подкладки. В руке у него было двадцать пять сен – сумма, необходимая для платы за съеденный им ужин. Он передал ее содержателю ресторана, а тот, пересчитав деньги, внезапно успокоился и низко поклонился – и вся толпа подобострастно поклонилась и растаяла.

Элфу Дэвису едва исполнилось шестнадцать лет. Он служил матросом на борту «Энни Майн», американской парусной шхуны, завернувшей в Иокогаму для отправки в Лондон своей летней добычи – тюленьих шкур. Элф сходил на берег вторично и сейчас начал подмечать любопытные особенности восточного духа. Когда прекратились поклоны и приседания, он рассмеялся и вышел, повернувшись на каблуках. Тут он столкнулся с новой проблемой. Как попасть на судно? Было уже одиннадцать часов вечера, и у берега не оставалось ни одной судовой шлюпки, а перспектива нанимать с пустым карманом лодочника-туземца не особенно ему улыбалась.

Зорко вглядываясь, не встретится ли кто-нибудь из товарищей по шхуне, он направился вниз, к набережной. В Иокогаме нет длинного ряда пристаней. Суда бросают якорь на рейде и тем дают возможность нескольким сотням коротконогих людей зарабатывать себе пропитание доставкой пассажиров на берег и обратно.

Дюжина лодочников – мужчин и мальчишек – окликнула Элфа и предложила свои услуги. Он выбрал самого симпатичного на вид – добродушного старика с усохшей ногой. Элф вошел в его сампан и уселся. Было совсем темно, и он не мог разглядеть, что делает старик, хотя, по-видимому, тому ничего не оставалось, как оттолкнуть лодку и отправиться в путь. Наконец он, хромя, шагнул в лодку и заглянул Элфу в лицо.

– Десять сен, – сказал он.

– Да, знаю, десять сен, – беззаботно ответил Элф. – Живей! На американскую шхуну!

– Десять сен! Твой платит сейчас, – настойчиво повторил старик. Элфа бросило в жар от этих ненавистных слов «твой платит сейчас».

– Ты отвезешь меня на американскую шхуну, тогда я тебе заплачу, – сказал он.

Но старик упрямо стоял перед ним, протягивал руку и повторял:

– Десять сен! Твой платит сейчас!

Элф попробовал объяснить ему. У него не было денег. Он потерял свой кошелек. Но он заплатит. Как только он попадет на борт американской шхуны, он расплатится. Нет, он даже не станет подниматься на борт американской шхуны. Он крикнет своим товарищам, и те сейчас же заплатят лодочнику десять сен. После этого он поднимется на борт. Итак, разумеется, все в порядке.

На это старик – столь симпатичный на вид – ответил:

– Твой платит сейчас! Десять сен!

И в довершение беды остальные лодочники расселись на ступеньках мола, прислушиваясь к разговору.

Элф, опечаленный и рассерженный, встал и приготовился сойти на берег. Но старик удержал его за рукав.

– Твой дает сейчас рубаха. Мой везет американская шхуна, – предложил он.

Тут в Элфе возмутился дух независимости. Англосаксу

присуще чувство отвращения к надувательству, а Элф счел это настоящим разбоем! Десять сен равняются шести американским центам, а его рубаша, совсем новая и из хорошей материи, стоила ему два доллара.

Он молча повернулся спиной к старику и поднялся на конец мола, а толпа с громким хохотом последовала за ним. Большею частью это были крепко сложенные, мускулистые парни.

Стояла изнуряюще жаркая июльская ночь, и одежда их была сведена до минимума. Моряки всех рас – народ буйный и грубый, и Элф понял вдруг, что отнюдь не безопасно находиться в полночь, в толпе лодочников, на конце мола, в большом японском городе.

Дюжий парень с копной черных волос и свирепыми глазами выступил вперед. Толпа двинулась за ним, чтобы принять участие в споре.

– Твой дает башмаки, – сказал парень. – Твой дает сейчас башмаки! Мой везет американска шхуна!

Элф покачал головой, а толпа потребовала, чтобы он принял предложение. Но англосаксы устроены так, что труднее всего добиться от них чего-либо угрозами или задираньем. Они охотно идут на риск, но не выносят никаких принуждений. И эта попытка лодочников подчинить своей волей Элфа только пробудила все упрямство его расы. В нем были свойства человека, который преследует несбыточную мечту; и здесь, на пустынном молу, под звездным небом, окружен-

ный скученной, толкающейся бандой, он решил скорее умереть, чем подвергнуться такому оскорблению и уступить хотя бы одну-единственную принадлежность своего костюма. Теперь ставкой были уже не вещи, а принцип.

Тут кто-то грубо подтолкнул его сзади. С пылающими глазами он обернулся, и круг подался назад. Но толпа все смелела. То тот, то другой требовал у него отдельные принадлежности его костюма, и эти требования сейчас же громко подхватывались здоровыми глотками.

Эльф давно уже не говорил ни слова, но понимал, что положение становится опасным, и единственный выход – уйти прочь. Его лицо было угрюмо, глаза блестели, как острие стали, тело приняло устойчивое и твердое положение. Этот решительный вид произвел на лодочников такое впечатление, что они расступились перед ним, когда он зашагал по молу к берегу. Но они шли за ним, хохоча и галдя еще громче, чем раньше. Какой-то парень, ростом и сложением походивший на Элфа, нахально сорвал у него с головы шапку; но не успел он нахлобучить ее себе на голову, как Эльф размахнулся сплеча, и парень покатился по камням.

Шапка вылетела из его руки и исчезла под ногами толпы. Эльф быстро прикинул в уме: его гордость моряка не позволяла ему оставить в их руках шапку. Он пошел в том направлении, куда она покатилась, и вскоре разыскал ее под босой ногой дюжего парня, который плотно придавил ее. Эльф попробовал неожиданно выдернуть шапку, но потерпел неуда-

чу. Он уперся в ногу противника, но тот только заворчал. Это был открытый вызов, и Элф его принял. Быстро подставив ему ногу, он с силой ударил плечом в грудь парня. Тот не выдержал этой энергичной атаки, пошатнулся и упал на спину.

Через секунду шапка очутилась на голове Элфа, а кулаки он держал наготове, перед собой. Затем он круто повернулся, чтобы предупредить нападение с тыла, и те, кто был позади, поспешно улетучились. Этого-то он и добивался. Теперь никого не оставалось между ним и берегом. Мол был узкий. Лицом к толпе, угрожая кулаками тем, кто пытался обойти его сбоку, он продолжал свое отступление. Это действовало возбуждающе – пятиться к берегу и в то же время сдерживать наступающую массу людей. Но темнокожие народы всего земного шара научились уважать кулак белого человека; и победой Элф был обязан не столько своему собственному военному фронту, сколько сражениям, выигранным многими моряками.

Там, где мол соединяется с берегом, находилось управление портовой полиции, и Элф, пятась, ввалился в освещенную электричеством контору, рассмешив бойкого дежурного чиновника. Лодочники, притихшие и смирные, скупились, как мухи, у открытой двери, откуда им было видно и слышно все происходящее.

Элф в нескольких словах объяснил свое затруднительное положение и попросил, чтобы чиновник доставил его на борт

в полицейской лодке. Чиновник, которому известны были все «правила и уставы», объяснил в свою очередь, что портовая полиция перевозом не занимается, а полицейские лодки исполняют более серьезные функции, чем доставка на судно запоздавших и неимущих матросов. Затем он прибавил, что лодочники – завзятые грабители, но пока они грабят в пределах закона, он над ними не властен. Они вправе требовать плату вперед, и разве он может заставить их взять с пассажира уплату после переправы? Элф признал справедливость его слов, но намекнул, что тот мог бы их убедить, раз не имеет права приказывать. Полицейский чиновник охотно согласился оказать ему эту услугу и вышел к дверям, откуда и обратился с речью к толпе. Но они тоже знали свои права и, когда чиновник замолчал, хором затагнули свой ужасный припев:

– Десять сен! Твой платит сейчас, твой платит сейчас!

– Вы видите, я ничего не могу поделать, – сказал чиновник, прекрасно говоривший по-английски. – Но я им наказал не трогать вас, так что вы, по крайней мере, будете в безопасности. Ночь теплая и уже близится к концу. Прилягте где-нибудь и поспите. Я бы разрешил вам устроиться здесь, в конторе, если бы это не противоречило правилам и уставам.

Элф поблагодарил его за доброту и вежливость; но лодочники раздражили его расовую гордость и упрямство, а проблема таким путем не разрешалась. Провести ночь на камнях – значило признать свое поражение.

– Лодочники отказываются доставить меня на судно?

Чиновник кивнул головой.

– И вы отказываетесь меня доставить?

Чиновник снова кивнул.

– Отлично! По нашим правилам и уставам вы не можете воспрепятствовать мне добраться самому?

Чиновник пришел в замешательство.

– Нет ни одной лодки, – сказал он.

– Дело не в этом, – с жаром заявил Элф. – Если я доберусь сам, все будут удовлетворены, и никто не пострадает?

– Да; все, что вы говорите, совершенно справедливо, – согласился недоумевающий чиновник. – Но вы не можете сами добраться!

– А вот увидите, – последовал ответ.

Шапка Элфа очутилась на полу конторы. Направо и налево полетели ботинки. За ними последовали брюки и рубаха.

– Помните, – сказал он звонким голосом, – я, как гражданин Соединенных Штатов, считаю ответственными за эту одежду вас, город Иокогаму и японское правительство. Спокойной ночи!

Он вынырнул из дверей, расталкивая изумленных лодочников, и бросился бежать по молу. Но они быстро оправились и пустились за ним вдогонку, радостными криками приветствуя новую фазу приключения. Эта ночь надолго запомнилась лодочникам Иокогамы. Элф добежал до конца мола и, не останавливаясь, с разбегу бросился в воду. Он поплыл

вперед, разбивая воду сильными ударами, пока любопытство не побудило его на секунду остановиться. Из темноты – там, где должен был находиться мол, – к нему неслись голоса.

Он перевернулся на спину и плыл, прислушиваясь.

– Ладно! Ладно! – разобрал он в неясном лопотанье. – Твой не платит сейчас; твой платит потом! Твой идет назад! Твой идет сейчас назад! Твой платит потом!

– Нет, благодарю вас, – крикнул он в ответ. – Мой совсем не платит! Спокойной ночи!

Затем он повернулся, чтобы определить местоположение «Энни Майн». Ее отделяла добрая миля, и в темноте разыскать ее было нелегко. Прежде всего он взял направление на яркие огни, которые могли принадлежать только военному судну. Должно быть, это было военное судно Соединенных Штатов «Ланкастер». Где-то левее и дальше стояла «Энни Майн». Но слева он разглядел три огонька, близко один от другого. Это не могла быть его шхуна. На секунду он пришел в замешательство. Он перевернулся на спину и закрыл глаза, стараясь мысленно представить себе картину порта, каким видел его днем. Удовлетворенно фыркнув, он снова перевернулся. Три огонька, очевидно, принадлежали большому английскому торговому пароходу. Следовательно, шхуна должна быть где-то между этими тремя огоньками и «Ланкастером». Он долго и упорно вглядывался и, наконец, различил, как раз там, где и ожидал, тусклый огонек очень низко над водой – фонарь у якоря «Энни Майн».

Приятно было плыть в сиянии звезд. Воздух был теплый как вода, а вода походила на тепловатое молоко. Он ощущал во рту славный солоноватый привкус, а все члены его слегка зудели; сердце правильно билось тяжелыми, сильными ударами, и он ощущал радость бытия.

Путешествие его было не только чудесным, но и обошлось без приключений. Он оставил по правую руку залитый огнями «Ланкастер», а по левую – английский торговый пароход, и вскоре над ним нависла громада «Энни Майн». Он ухватился за спущенную веревочную лестницу и бесшумно поднялся на палубу. Никого не было видно. Он заметил свет в камбузе, и догадался, что сын капитана, который один нес вахту, варит кофе. Элф двинулся вперед, к кубрику. Матросы храпели на своих койках, и в этом закрытом помещении жара показалась ему невыносимой. Он надел тонкую шерстяную рубашу и дунгарские штаны, сунул под мышку подушку и одеяло, вышел на палубу и поднялся на бак.

Едва успел он задремать, как его разбудил плеск лодки, остановившейся борт о борт, и оклик вахтенного. Это была полицейская лодка, и Элф имел удовольствие слышать весь последующий горячий разговор. Да, сын капитана узнал одежду. Она принадлежала Элфу Дэвису, одному из матросов. Что случилось? Нет, Элф Дэвис не вернулся на борт. Он на берегу. Его нет на берегу? Тогда он, должно быть, утонул. Тут и полицейский чиновник, и сын капитана заговорили оба сразу, и Элф ничего не мог разобрать. Затем он услышал, как

они прошли вперед и подняли команду. Команда ворчала со сна и заявила, что Элфа Дэвиса нет в кубрике. Тут сын капитана вознегодовал на иокогамскую полицию и их обычай, а полицейский чиновник с отчаянными ударениями стал цитировать правила и уставы.

Элф поднялся на бак и протянул руку, говоря:

– Лучше уж я возьму это платье. Благодарю вас, что так скоро доставили его на борт!

– Не понимаю, почему он вместо платья не мог доставить на борт тебя, – сказал сын капитана.

А полицейский чиновник ничего не сказал и только смущенно вручил одежду ее владельцу.

На следующий день, когда Элф собрался ехать на берег, его снова окружили лодочники. Все они орали и жестикулировали, но были очень вежливы. Им всем очень хотелось заполучить его своим пассажиром. И тот, кого он выбрал, не сказал: «Твой платит сейчас», – когда он вошел в его лодку. Приготовившись сойти на мол, Элф протянул десять сен. Но лодочник приосанился и покачал головой.

– Ладно, – сказал он, – твой не платит! Твой никогда не платит! Твой храбрый, и все ладно!

И за все время стоянки «Энни Майн» в порту лодочники отказывались брать плату с Элфа Дэвиса. Восхищенные его смелостью и независимостью, они предоставили ему свободно распоряжаться их сампанами.